

Этнокультурная основа процесса формирования крымскотатарской художественной культуры и декоративно-прикладного искусства (часть первая)

Исмет Заатов

*(Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ;
ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический
университет им. Ф. Якубова»)*

Аннотация. В первой части статьи на основе результатов исследований российских, советских, зарубежных историков, археологов, антропологов, генетиков, искусствоведов, а также основанного на опыте начатой в 1975 г. практики исследований этнических и культурных процессов в среде этнографических групп современного крымскотатарского народа исследовательского взгляда самого автора – ученого и деятеля крымскотатарской культуры и искусства предпринята попытка проследить течение процесса формирования художественной культуры и декоративно-прикладного искусства сложившейся к X–XI вв. крымской горной народности Крыма – татов, из которой после завоевания Российской империей Крымского ханства выделились тюркоязычные этнографические группы греко-татар – урумов, горных и южнобережных крымских татар, составлявших до этого проживавшее в основном в общих поселениях христианско-мусульманское этнокультурное целое носителей традиционной культуры Крыма. Потомки переселенных в Крым османами из Малой Азии и материковой Греции эллинофоны – греки румей, потомки переселившихся на полуостров золотоордынских и малоазиатских армян, равно как и иудейские этно-конфессиональные группы евреев-раввинистов крымчаков и евреев-караимов Крыма являлись носителями присущих только им этно-конфессиональных культур. Исповедывавшие ислам крымские цыгане-чингенелер были практически ассимилированы крымскими татарами и практически к этому времени составили одну из этнографических групп этого народа. В качестве предполагаемой этнокультурной предосновы культурологического базиса формирования основ крымской культурной идентичности и складывания художественной культуры крымской горной народности в статье приводится краткий обзор археологической и художественной культуры древних аборигенных и пришлых этносов, в той или иной степени оставивших свой

след на территории полуострова и, вероятно, в разной мере принявших участие в процессе этнокультурогенеза потомков древнейшего населения Горного и Южнобережного Крыма. Следует выделить тот факт, что экзоэтноним тат, которым, вероятно, еще ранние тюрки Крыма наделили не-тюркское оседлое население Южного берега и гор Крымского полуострова, является самым продолжительно используемым в языковой среде автохтонных крымских народов этнонимом, и что даже сегодня в крымскотатарской языковой практике этноним «тат» остается объединяющим горных и южнобережных крымских татар эндоэтнонимом, а также обозначающим их этнографические группы экзоэтнонимом в языке степных крымских татар. Также рассмотрен начальный этап параллельного с процессом этнокультурогенеза и формирования художественной культуры предков горных и южнобережных крымских татар крымской горной народности татов процесса культурогенеза предков степных и предгорных крымских татар, старт которому был дан началом процесса тюркизации равнинного, горного и южнобережного раннесредневекового населения Крымского полуострова. Отдельно на современном этапе исследований истории этнокультурогенеза и художественной культуры горных и южнобережных крымских татар, а также истории греко-татар – урумов стоит давно назревший, для снятия проблемы их генетической наследственности или ненаследственности древнего и раннесредневекового населения полуострова вопрос необходимости проведения генетических исследований останков из обнаруженных на территории древних южнобережных и горных крымскотатарских и крымскотатаро – греко-татарских поселений таврских, тавроскифских, сармато-аланских, гото-аланских захоронений и среди потомков жителей этих сел, благо, что после полувекового изгнания из родного Крыма крымскотатарский народ смог вернуться на свою этническую территорию.

Ключевые слова: история, этнокультурогенез, художественная культура, декоративно-прикладное искусство, крымская горная народность, таты, тавры, скифы, тавроскифы, сарматы, готы, аланы, гунны, тюрко-булгары, гузы, торки, печенеги, кипчаки-половцы-куманы, татаро-монголы, татары, предгорные крымские татары, степные крымские татары, горные крымские татары, южнобережные крымские татары, крымские татары.

Для цитирования: *Заатов И. А.* Этнокультурная основа процесса формирования крымскотатарской художественной культуры и декоративно-прикладного искусства (часть первая) // Крымское историческое обозрение. 2021. № 2. С. 134–170. DOI: 10.22378/kio.2021.2.134-170

I. Предыстория формирования художественной культуры крымской горной народности – предков южнобережных и горных крымских татар (татов), а также греко-татар – урумов в контексте генезиса крымской культурной идентичности.

Без тщательного изучения процесса исторического, этнического и культурного развития Крыма, завершившегося к концу XVIII в. объединением этноса потомков раннесредневековых и средневековых тюркских племен равнинного Крыма – степных и предгорных крымских татар с тюркизированным и исламизированным этносом потомков древнего аборигенного населения Горного и Южнобережного Крыма, так называемой крымской горной народности [4, с. 33] татов, получившего после присоединения Крымского ханства к Российской империи этноним горных и южнобережных крымских татар в современную этно-историческую общность под названием «крымскотатарский народ», невозможно понять природу генетического, антропологического, лингвистического, культурного разнообразия этнографических групп, а также видового, жанрового, стилевого многообразия эклектики народного искусства и художественной культуры крымских татар. Это в полной мере и наглядно иллюстрирует история процесса формирования и развития крымскотатарских художественных промыслов и декоративно-прикладного искусства.

Объяснить природу и суть этнокультурной основы процесса формирования современной художественной культуры, декоративно-прикладного искусства и народных промыслов крымскотатарского народа можно, совершив экскурс в историю этногенеза и культуругенеза основных этнографических групп современного крымскотатарского народа – степных, горных и южнобережных крымских татар. В определенной мере в данном процессе приняли участия и представители субэтнографических групп современного крымскотатарского народа – предгорных крымских татар «орта йолакь татарлары» («татары средней полосы»), язык которых был принят за основу общего крымскотатарского литературного языка в ходе крымской языковой реформы в 1926–1928 гг., и «кырымтатар чингенелеры» («крымскотатарские цыгане мусульмане»).

Протекание процесса формирования крымскотатарской художественной культуры и крымскотатарского декоративно-прикладного искусства, явившихся логическим завершением длительного периода развития этнической культуры Крымского полуострова, как автохтонной культуры и искусства Крыма сопоставимо с историей процесса формирования культуры и искусства автохтонных народов Балкан, Кавказа и Малой Азии, а начало его завершения в период последней независимости крымскотатарского средневекового государства Крымского ханства (1774–1783) с аналогичными процессами

в соседних с ним по Восточно-Европейскому региону Османской империи, Российском государстве, Польше и Литве, Украине, Молдове и Валахском княжестве, Черкесии и Кабарде, а также в Дагестане и на территории бывших ханств Золотой Орды. Средневековую культуру населения регионов, на территории которых возникли эти государства от Балтики до Черного и Средиземного морей, связывал так называемый путь «из варяг в греки», по которому распространялась культура мирового на тот момент лидера Византии, и позже – культура евразийского лидера Золотой Орды, а затем и Османской империи.

Первой на Крымском полуострове сформировалась культура тавров – предположительно генетических предков крымской горной народности татов Крыма, вошедших в состав современного крымскотатарского народа в качестве его этнографических групп горных («дагь халкьы») и южнобережных («ялыбойлюлар») крымских татар, названных так русскими в ходе присоединения Крымского ханства к Российской империи. Сформировавшееся на основе этноса и культуры первых в истории обладавших этнонимом аборигенов Крымского полуострова тавров, ассимилировавшее сарматов полуострова тавроскифское население, смешиваясь с осевшими на их этнической территории Горного Крыма остатками ушедших на Запад готов и алан, а также с поселившимися между ними тюрко-булгарами, под консолидирующим воздействием на культурное развитие этого крымского этноса греческого православия, церковного языка и искусства Византии, трансформировалось к концу периода раннего средневековья в этнос, возможно называемый начиная с VIII в. тюркским населением Крыма «татами» («тат», «татлар»), охарактеризованных крымским историком А. А. Айбабиным этническим определением, просуществовавшей в Горном Крыму вплоть до сер. XVIII в. [3, с. 230] «крымской горной народностью» [4, с. 33]. Возможно, что уже заселившим к этому времени равнинный, предгорный, а в некоторых местах и горный Крым тюркским огузо-печенежским, затем кыпчако-половецким, а еще раньше тюрко-булгарским населением, по причине возможного использования частью формирующейся в тот период крымской горной народности – татов реликтов иранского в основе, вероятно, родственного тавро-скифскому языку языка сарматов и алан, по аналогии с обозначением тюрками завоеванного ираноязычного оседлого населения регионов Средней Азией и Кавказа – нетюркское оседлое население Горного и Южнобережного Крыма стало называться им «татлар» – таты. Экзоэтноним «тат», которым, вероятно, еще ранние тюрки Крыма наделили нетюркское оседлое население Южного берега и гор Крымского полуострова является самым продолжительно используемым в языковой среде автохтонных крымских народов этнонимом, даже сегодня в крымскотатарской языковой практике этноним «тат» остается объединяющим горных и южнобережных крымских татар эндоэтнонимом, а также

обозначающим их этнографические группы экзоэтнонимом в языке степных крымских татар. Средневековые и позднесредневековые европейские путешественники, посещавшие Крым, называли автохтонное южнобережное и горное оседлое население Крыма алано-готами, гото-аланами, готами или по конфессиональной принадлежности к греко-православной церкви греками, но никто из них не смог идентифицировать ту часть данного автохтонного крымского населения – прозелитов перешедших в ислам, кроме, как исповедывавших мусульманство татар, хотя тут же делали акцент в своих заметках на тождественность их физического облика и бытовой культуры с крымскими христианами, которых их соседи, перешедшие в ислам таты за их принадлежность к греческой церкви называли «урум» или же за их обыкновение звонить в колокола – «дангъалакъ».

Первый раз этноним «тат» в значении «чужак, исключительно ираноязычный» упоминается в древнетюркских Орхонских надписях 735 г., совпавших по времени своего написания с периодом активного заселения Крыма тюрками Тюркского (551–745) и Хазарского (650–969) каганатов в форме «*tatıŋa teŋin bunı körü bilij dilsiz [halk]*» («что касается татов, то знайте, это народ без языка [не знают тюркский]») [51, s. 839]. Расшифровавший эти надписи Вильгельм Томсен (1842–1927) объясняет значение слова «тат», как об «подданных иностранного происхождения», преимущественно ираноязычном населении, завоеванном тюрками. В XI в. Махмуд Кашгари в своём словаре «Диван лугат ат-турк» даёт определение термина, как наречение всеми тюрками ираноязычного населения. Понятие «тат» упоминается в героическом тюркском эпосе «Китаби Деде Коркут» (XI–XV вв.) в значении «чужестранец», «иноверец». Иоган Шильтбергер в своём «Путешествии по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год» после описания столицы страны Кипчак города Солхата и Кафы пишет о городе Киркйер, в хорошей области, именуемой Готфией, но которую язычники (татары. – *И. З.*) называют Тат. Она заселена греческими христианами, и что эта страна лежит у берега Черного моря, возле города Сарукермана (Херсон) [43, с. 45]. Перечисляя, на скольких языках ведётся церковная служба греко-православными христианами, Шильтбергер после первого языка, называемого турками «урум» – греческого языка, среди одиннадцати языков седьмым языком называет готский, у язычников (татар-мусульман. – *И. З.*) называемый татским языком [43, с. 65]. Эти сведения о татах – готах Крыма, если брать во внимание время службы Шильтбергера у правившего в 1414 г. хана Золотой Татарии (Золотой Орды) Чакры (Чокре), можно отнести ко времени пребывания Шильтбергера вместе с советником Чокре-хана Маншуком в течение пяти месяцев в Кафе после низложения Чокре [43, с. 67].

Впервые этноним «тат» по отношению к автохтонному населению горной территории Крымского ханства, как к поданным крымских ханов, в офи-

циальных документах стал упоминаться с нач. XVII в. в титуле крымского хана Джанибек Гирея I (1568–1636, правил в 1610–1623 и 1628–1635). Исследовавший Крым в 1660-е гг. турецкий ученый энциклопедист и путешественник Эвлия Челеби оставил свои наблюдения о характере и языке татов Крыма. Вероятно, что уже в золотоордынское время татары Крыма стали разделять язык крымских татов на собственно «татский язык» гото-аланского населения Горного Крыма и на «урумейский» язык греков Рума (Византии), поселившихся на полуострове. Степные и предгорные крымские татары всегда называли и до сих пор называют татами все оседлое население Горного и Южнобережного Крыма и их потомков, то есть горных и южнобережных крымских татар. Аборигенное южнобережное крымскотатарское населения от Ускуята и до Ай-Сереза сами себя именуют татами – «бизлер тат», «бизь татлар». Татами именуют греко-татары – урумы (бывшее крымскотатароязычное греко-православное население Юго-Западного Крыма) билингвических греков «румеев», выселенных вместе с ними из Крымского ханства в 1778 г. в Приазовье, говоривших тогда по-крымскотатарски и сохранявших привнесенные ими на территорию средневекового Крыма с территории Османской империи четыре среднегреческих, в том числе и с острова Сакыз (Хиос) диалекта «апла, айла». Человека, совершившего отступничество, переход из одного состояния в другое (Иртидад (араб. ارتداد), на Востоке называют *муртадом* (*муртатом*). Среди мастеровых людей, находившегося на земле хана урумско-крымскотатарского поселения Керменчик, являвшегося в сер. XVIII в. важным центром художественных промыслов сельской округи Юго-Западного Крыма, в списках выселенных в Приазовье жителей под номером 78 значился крымскотатароязычный греко-православный подданный крымского хана по имени Муртат [31, с. 239].

Впервые в условиях советской научной действительности антикрымскотатарских идеологических установок выездной Симферопольской сессии Академии наук СССР 1952 г. вопрос наследования горными и южнобережными крымскими татарами – татами этнических корней и культуры древнейшего населения Крыма автору данной статьи удалось обозначить в публикациях «Как происходил процесс формирования крымскотатарской народности» [15], «Крымские татары» [16; 17], «Группы крымскотатарского этноса» [18] в 1988–1989 гг.

Вопрос этногенеза горных и южнобережных крымских татар – татов Крыма, а также этнической и культурной идентичности их предков с этносом крымских готов, на основании данных европейских и российских авторов и по результатам своих полевых исследований среди этнографических групп крымских татар, проживавших в 1997 г. в Крыму и в Узбекистане аргументированно осветил в своей работе «The Ethnogenesis of the Crimean Tatars. An Historical Reinterpretation» («Этногенез крымских татар. Реинтерпретация

истории») [53] американский историк Брайан Уильямс, в которой он впервые вводит в научный оборот этноним «тат-татар», обозначая им южнобережных и горных крымских татар [53, р. 340]. Опираясь на этно-исторические и географические сведения из работы Эдмонда Шульца «Народ татов в Крыму» (Edmond Schutz, “The Tat People in the Crimea”, *Acta Orientalia, Academiae Scientiarum Hungaricae*, XXXI (1977), р. 96.), он классифицирует татов Байдар и Айселя (Baidar and Icel Tats) как этническое смешение населения древних готов и аланов, которые приняли язык правящего класса татарских племён, что, по его мнению, решает проблему скандинавских и иранских особенностей черт характера и внешности татов [53, р. 337]. Правда, топоним Icel, на наш взгляд, означает не Айсель, а Ичэль (Ич-Эль), т. е. от крымскотатарских «ич» («внутреннее») и «эль» («край, область, страна») – внутреннюю по отношению к той же южнобережной Байдарской (Байдар) долине область Крымского полуострова. Американский ученый также соглашается с утверждением советского археолога и этнографа Б. Куфтина в том, что с тюркизацией и исламизацией «греков-аборигенов», «греков-готов» и «части армян» культурные и лингвистические различия между этими народами и татарами сократились [53, р. 338]. Количество греков и армян, обращённых в ислам и записанных как «сыновья Абдуллы» (*Абдуллах* означает слугу или обращённого в веру Аллаха), он выводит из данных османских налоговых ведомостей и таможенных документов Кафы 1487–1490 гг. [53, р. 334]. Следует заметить, что этот процесс, отмечаемый во всех опубликованных московским исследователем А. Ефимовым османских налоговых ведомостях XVI–XVIII вв. [30.; 31], вплоть до выселения крымских христиан в 1778 г. в Приазовье, только возрастал. Также Уильямс в своей работе вместо термина «тюркизация» оседлого населения Крыма использует термин «тата-ризация» [53, р. 333].

Анализируя культуру исламизированных крымских татов, Уильямс обоснованно подводит под нее автохтонную крымскую этнокультурную базу с участием в татском этнокультурогенезе исламизированных и тюркизированных готов, алан, генуэзцев, армян, а также турок османов и татар кипчаков [53, р. 339–342]. Затрагивает американский ученый и роль татов в истории Крыма, определяя ее как решающую в формировании национальной культуры и этнического ядра современной крымскотатарской нации [53, р. 342–343].

Первыми официально подразделять население Южнобережного и Горного Крыма по национальному и конфессиональному признаку стали турки османы после завоевания ими этих регионов в 1475 г. Первоначально османская администрация подразделяла и указывала население Южного Крыма исключительно по принципу религиозной принадлежности – «муслим, муслиманан» (мусульмане) и «гъайры муслим» (немусульмане). Затем османы, а

вместе с ними и крымские татары стали фиксировать это население также и по этноконфессиональному признаку – «муслим», «нев муслим» (букв. «новые мусульмане»), «румиян» (греки христиане – византийцы-румеи), «урум» (тюркоязычные греко-православные христиане), «френг» (генуэзцы и другие католики западноевропейцы), «черкезан» (черкесы), «френк-кардаш» (крымцы и черкесы католики), «эрмениян» (армяне), «татаран» (татары), «яудиян» (евреи), «лех» (поляки), «рус» (русские), «казак» (украинцы), «маджар» (венгры), «богдан» (молдоване), «эфляк» (румыны), «аджем» (персы), «гурджю» (грузины), «абаза» (абхазы) [49; 30].

В Горном и Южнобережном Крыму на основе орнаментально-художественных традиций древнейшего населения Крыма, вместе с процессом формирования этноса предков горных, южнобережных крымских татар и греко-татар – урумов, так называемой крымской горной народности и ее художественной культуры и декоративного искусства с началом процесса распространения в южнобережных и горных регионах полуострова ислама, под определяющим влиянием канонов византийского искусства формировались средневековая художественная культура и декоративно-прикладное искусство этноса татов Крыма.

Параллельно с этими процессами, начиная с XIII в. в Крымском улусе Золотой Орды в пределах округа главного политического, экономического и культурного центра крымских татар города Солхат-Крыма и близлежащих к нему регионов, на этнической основе потомков дотатарского тюркского населения степей и предгорий полуострова (гунно-тюрко-булгар, гузо-торко-печенегов, кыпчако-кумано-половцев) и представителей осевших на полуострове золотоордынских тюркских и тюркизированных татаро-монгольских родов и племен, а также некоторой части переселившихся в Юго-Восточный Крым туркменов-сельджуков, ставших этнической основой начавшего формироваться в пределах Крымского улуса этноса степных и предгорных крымских татар, выступивших этническим и историческим ядром крымскотатарской нации. Со втор. пол. XVIII в. и вплоть до нач. XX в. протекал процесс политической консолидации горных и южнобережных крымских татар со степными и предгорными крымскими татарами. Процесс этнического смешения между которыми вступил в свою активную фазу в местах депортации крымскотатарского народа и продолжается в наши дни в Крыму. Вследствие пагубных и катастрофических по своим последствиям для крымскотатарского народа многократных волн эмиграции степных крымских татар из Крыма в Добруджу и Турцию сегодня вместо этнографических групп степных и предгорных крымских татар этническое ядро современного крымскотатарского народа в Крыму составляют этнографические группы горных и южнобережных крымских татар – татов, являющихся потомками носителей древней культуры Крыма крымской горной народности.

Благодаря традиционному самоназванию степных и предгорных крымских татар – «кырымтатарлары» («крымские татары»), сформировавшийся на территории Крымского полуострова в единое этническое целое и унаследовавший традиционную культуру Крыма новый тюркоязычный этнос получил свое современное название – крымскотатарский народ.

Художественные промыслы и декоративно-прикладное искусство принявшего ислам тюркоязычного населения Южнобережного и Горного Крыма, ставшего начиная с момента признания в 1774 г. по условиям Кючук-Кайнарджийского мира независимости Крымского ханства и включения этих земель в состав крымскотатарского государства называться, наряду с прежним экзоэтнонимом «таты», также южнобережными и горными крымскими татарами, развивались до начала процесса слияния крымскотатарских этнографических групп в единый крымскотатарский народ под влиянием на их художественную культуру османских традиций художественной культуры и декоративно-прикладного искусства материковой Турции, а также культуры крымскотатарских городов Карасубазара (н. Белогорск), Кезлева (н. Евпатория), Ора (н. Армянск), крымскотатарской столицы Бахчисарая и других значительных центров крымскотатарской культуры и образования.

Процесс формирования самобытной художественной культуры и декоративно-прикладного искусства крымскотатарского народа являет собой насыщенное мультиэтнокультурными процессами социально-историческое действие, вобравшее в себя сначала процесс формирования художественной культуры и декоративно-прикладного искусства потомков древнейшего оседлого крымского населения – современных горно-южнобережных крымских татар и греко-татар – урумов и позже процесс формирования художественной культуры и декоративно-прикладного искусства потомков, осевших на территории Равнинного Крыма в средневековый период евразийских кочевников – степных крымских татар.

Этнокультурная трансформация элементов художественной культуры и декоративно-прикладного искусства потомков древних оседлых этносов и кочевников Крымского полуострова в декоративно-прикладное искусство татов и татар Крымского улуса Золотой Орды, проникновение элементов декоративно-прикладного искусства и орнаментики древнетюркских и раннесредневековых тюркских предков современного крымскотатарского народа в декоративное искусство степных и горно-южнобережных крымских татар, процесс взаимовлияния художественной культуры и декоративно-прикладного искусства предков крымских татар и греко-татар – урумов с художественной культурой и декоративно-прикладным искусством сельджукских и османских турок, черкесов, итальянцев-лигурийцев, сарайских и киликийских армян, иудеев – караимов и ортодоксальных евреев-крымчаков (потомков пиренейских ладинос, сефардов и ашкеназов), ногайцев и малоазиатско-балканских

цыган-чингене происходили на полуостровной территории, ставшей частью владений Крымского ханства и Османской империи. Художественная культура и декоративно-прикладное искусство крымских татар сыграли особую роль в длившемся почти шестьсот лет процессе генерации традиций культуры Крымского улуса Золотой Орды и Крымского ханства в претворившуюся в тюрко-исламскую по сути и традиционную крымскую по содержанию крымскотатарскую художественную культуру и декоративно-прикладное искусство под определяющим воздействием культуры и искусства ислама. Современные историки и искусствоведы отмечают, что сформировавшиеся впервые на территории полуострова крымскотатарская или традиционная крымская художественная культура и декоративно-прикладное искусство являются искусствоведческим феноменом мирового масштаба, уникальность которого предопределена эклектикой небывалого смешения в пределах сравнительно небольшой по площади территории полуострова культур и искусства разных по своему происхождению этносов, ассимилированных крымскими татарами. В исторической науке утвердилось мнение о Крымском полуострове как об «опытном поле человеческой истории» – пограничной области между цивилизациями Востока и Запада, межэтнической контактной зоне, месте встречи и взаимодействия разных культур и традиций» [8, с. 4]. Полуоторванное от материка существование Крыма сыграло немаловажную роль в сложении специфических черт традиционной местной культуры: «...сюда от избытка переливались отдельные струи человеческих потоков, замирали в тихой гавани и безвыходной заводи, осаждали свой ил на мелкое дно, ложились друг на друга слоями, а потом органически смешивались» [9, с. 55].

Ниже в качестве предполагаемых источников процесса формирования этнокультурной основы крымской культурной идентичности, а также складывания художественной культуры крымской горной народности будет приведен обзор ряда археологических и художественных культур аборигенных и пришлых этносов, в той или иной степени оставивших свой след на территории полуострова и, возможно, принявших участие в истории процесса этнокультурогенеза потомков древнего населения Горного и Южнобережного Крыма – крымских татов.

II. Древний и раннесредневековый период процесса формирования этнической культуры крымской горной народности татов – предков горных и южнобережных крымских татар, а также греко-татар – урумов.

III.1. Культура первого крымского аборигенного этноса тавров.

Крымская земля была одной из древнейших колыбелей человечества и современной цивилизации (8, с. 15). Известно около 150 мест обитания древ-

них поселенцев в Крыму, к которым относится пещера Кийик-Коба, в долине р. Зуя в 25 км от Симферополя (нижний палеолит). Период среднего палеолита представлен стоянками неандертальцев в с. Салачик (н. Староселье) Бахчисарая), кроманьонцев (пещера Чокурча на р. Бала-Салгир (Малый Салгир, в Симферополе) и стоянка Ак-Кая на р. Карасу [40, с. 73]. Верхний палеолит представлен обширной стоянкой Сюрень на р. Бельбек, гротом Боран-Кая на р. Бурульча, пещерой Аджи-Коба, имеющими много общего с аналогичными памятниками Северного Причерноморья и черноморского побережья Кавказа. К палеолиту относится появление на Крымском полуострове первых предметов, в которых просматриваются зачатки элементов художественного творчества – искусства выработки изделий из кости и рога, украшенных насечками и гравировкой. Развиваются навыки обработки камня, кожи, дерева. К эпохе мезолита относятся стоянки Сюрень-2, Шан-Коба, Фатьма-Коба, Мурзак-Коба на р. Чоргуна (Чёрная), пещера Буран-Коба, изобилующие предметами материальной культуры.

Время неолита – пещеры Чатырдага, Бин-Баш-Коба, Сувук-Коба, стоянки у с. Пычки и с. Сюрень, оз. Сарыголь, на Гурзуфском седле, над Уч-Кошем, отмеченное древнейшими образцами крымской керамики в виде разнообразной по форме, обожжённой на огне лепной посуды, «нередко с богатой по технике и стилю орнаментацией» [6, с. 9] (Кая-Арасы близ Бахчисарая, Ат-Баш у Симферополя). В период энеолита на полуострове широко распространяются первые украшения из металла – браслеты и медные подвески, появляются первые наскальные рисунки и каменные скульптурные изваяния – с XX в. до н. э. до VIII в. до н. э. (урочище Таш-Аир близ Бахчисарая, село с. Бахчи-Эли (н. Богатое), грот Сары-Кая возле с. Беш-Куртка (н. Вишенное) в Белогорском районе). Среди наскальных рисунков и изображений на терракоте – различные родовые знаки, солярные и астральные символы, крупный рогатый скот, мотыги, сложные многофигурные композиции (кони, вооружённые всадники и лучники), возникают антропоморфные скульптуры – каменные стелы с очертаниями человеческой фигуры из с. Буюк Озенбаш (н. Счастливое) и с. Коккоз (н. Соколиное) Бахчисарайского района, сооружаются монументальные культовые сооружения, как курганы и кромлехи, присущие также причерноморским территориям Кавказа. В эпоху бронзы возникают контакты местных племён с цивилизациями Древнего Востока, Средиземноморья, Закавказья [40, с. 76], на территории Крыма развивается ямная, кемибинская культура (от кургана Кеми-Оба) близ Белогорска (б. Карасубазар) земледельцев и скотоводов. В Крыму, впервые на территории Европы, появляется многоцветная роспись [8, с. 19].

С конца II – до начала I тысячелетия до н. э. на южном побережье и в горах Крыма поселились племена тавров, первое обладавшее этнонимом аборигенное население полуострова. Бытует мнение, что таврские племена это прямые

потомки древнейших обитателей Крымского полуострова – носителей археологических культур Крыма периода мезолита, достигших своего социально-культурного развития эволюционным путем. Культуру тавров с культурой современных им племен Кавказа I тысячелетия до н. э. роднил обычай сооружения могильников в виде каменных ящиков, сходство керамики и бронзовых украшений. О генетическом родстве потомков античного населения Прикубанья абхазо-адыгских народов и потомков античного населения горно-южнобережного Крыма Горно-южнобережных крымских татар и греко-татар – урумов Приазовья свидетельствуют результаты научных исследований лаборатории геномной географии Института общей генетики им. Н. И. Вавилова [1, с. 6–12]. При раскопках поселений тавров обнаружено много обломков керамической посуды, хозяйственные горшки для хранения воды и зерна высотой в полтора метра, производившиеся татами Крыма вплоть до XIX в. и называемые у горно-южнобережных крымских татар «куб», каменные метало-литейные формы, обломки каменных мотыг, каменные зернотерки, кремневые вкладыши для серпов. Жившие на побережье тавры умели строить легкие суда. *Основными ремеслами первых крымских аборигенов являлись ткачество и прядение, литье, в том числе украшений из бронзы. Было развито гончарное производство ленточным способом. Ранние тавры не знали гончарного круга.*

В пещерном святилище тавров Кызыл-Коба был найден сосуд с изображением, по мнению обнаруживших его ученых, солнца и, возможно, дождя и молний в виде вертикально-зигзагообразных линий, точек или очень мелких кругляшков [11, с. 40]. Возможно, что эти зигзагообразные линии являются изображением устремившихся к свету солнца змей, связанных с культом змееногой таврской богини Девы. Этот, возможно, таврский узор в виде вертикальных зигзагообразных линий воспроизводится в орнаментах вышивок и безворсовых ковров (килимов) горно-южнобережных крымских татар – татов Судакского региона Крыма, язык предков которых Эвлия Челеби в середине XVII в. описал так: «Когда они (таты. – И. З.) говорят между собой по-гречески, употребляют выражения из какого-то другого языка. <...> Это не греческий, не чагатайский (тюркский. – И. З.) и не лазский (мингрельский. – И. З.) язык. Когда они говорят между собой, человек удивляется» [46, с. 160]. Предположение некоторых исследователей о том, что речь здесь шла о готском языке, тоже вызывает некоторые сомнения по причине того, что Эвлия Челеби бывал в немецких землях, в составе османского посольства посещал Вену, знал фарси и, будучи профессионально обученным при дворе османского султана Мурада IV музыке и греческому языку человеком [46, с. 6], прекрасно был знаком с мелодикой греческого, иранских, германских, кавказских языков и в произносимых «татами-муртатами» непонятных для окружающих словах смог бы определить их близость к одному из этих языков и в том числе к восточногерманскому – готскому языку. В связи с этим возникает полуфантастическое

предположение о принадлежности этих непонятных для Эвлии Челеби слов из речи татов-муртатов Крыма к чудом сохранившимся до того времени оборотам речи языка, возможно, генетически родственных крымскотатарскому горно-южнобережному населению первых крымских аборигенов тавров. Может быть, что именно в детских считалках горных и южнобережных крымских татар, слова которых непередаваемы в современном крымскотатарском и других исторических крымских языках и представляют на первый взгляд собою искусственный набор придуманных детьми слов, могли сохраниться отдельные фразы из языка тавров. Возвращаясь к теме таврской орнаментики, следует отметить, что узор в форме зигзагообразной линии прослеживается и в орнаментах последующей аланской [23, с. 152] и тюрко-булгарской (праболгарской) [23, с. 154] керамики раннесредневекового Крыма. В крымскотатарском орнаментальном искусстве данный узор в керамике и ткачестве южнобережных и горных крымских татар получил названия «след змеи» («йылан ызы») [19, с. 288] и «огюз сийдиги» («след вола – воловья моча») [5, с. 110]. Более половины каменных гробниц кеми-обинской культуры имели расписные стенки, а четыре – орнамент, выполненный в технике углубленного рельефа. Для росписей использовались белая, черная и разные оттенки красной (от алого до коричневого) краски, в одном случае стенки ящика имели синий фон. На стенках с гравировкой красной краской отдельные знаки. Орнамент геометрический – в виде точек, прямых и ломанных линий, из которых образованы фигуры из углов, крестов, овалов, дуг, окружностей и ромбов [21, с. 50]. Есть мнение о воспроизведении в этих росписях изображений на коврах, которыми украшались жилища [36, с. 84]. Эти знаки также присутствуют в орнаментике безворсовых ковров (килимов) горных и южнобережных крымских татар – татов.

На прямую этническую связь населения Крымского полуострова эпохи бронзы и Северо-Западного Кавказа с таврами указывают результаты антропологических исследований Е. В. Жирова [14, с. 179–186] и его доказательства родственности керченских «макрокефалов» и обладателей деформированных черепов из могильников Кавказа первой половины I тысячелетия [41, с. 165–168], краниологические исследования на Южном берегу Крыма российского антрополога А. Н. Харузина [37], кизил-кобинская культура I тыс. до н. э. пещер Кызыл-Коба, унаследовавшая ряд этнокультурных феноменов III–II тыс. до н. э., в виде коллективных усыпальниц каменных ящиков и идентичного стиля специфики орнаментики лепной керамики. Вероятно, к прототаврской культуре можно отнести культуру археологического памятника кемиобинцев и их антропоморфные фигуры. Шедевром древнего скульптурного искусства Крыма является полутораметровая диоритовая человеческая фигура, обнаруженная в предгорном крымскотатарском с. Атчеут (н. Казанки Бахчисарайского района). Специалист по археологическому изучению культуры тавров

Горного Крыма и меотов Прикубанья А. М. Лесков утвердился в своих научных выводах о таврах как значительной этнической составляющей складывавшегося в древности и средневековье коренного крымского населения, выступившего, по нашему мнению, первым пластом этнического и культурного субстрата предков горных и южнобережных крымских татар – сложившейся к X в. «крымской горной народности» тавов Крыма, в связи с чем изучение этногенеза и культурогенеза тавров приобрело первостепенное значение в вопросе выяснения роли местных племен в этнокультурной истории Крыма [24, с. 1] и в истории этногенеза этнографических групп горных и южнобережных татар современного крымскотатарского народа в частности.

В преддверии заката культуры первого аборигенного этноса Крыма преобладавшие в раннюю таврскую эпоху в их селениях дома столбовой конструкции, со стенами из обмазанных саманом (глина с соломой) сплетенных из ветвей кизила («кызылчык», «чум» – кр.-тат.) и дикого ореха («читлевук», «чит» – кр.-тат.) конструкций («чит», «чум» – кр.-тат.) в Уч-Баше, полуземлянки с аналогичной наземной частью в Ашлама-Дере, обычные землянки в Кызыл-Коба сменяются одно- и двухкамерными домами на горе Кошка (Кош-Кая кр.-тат.). Появляются гончарные печи и ирригационные системы водоотводных каналов на территории с. Шейх-Мамай (н. Айвазовское). Массивную бронзу сменяет железо, изготавливается гладкая без орнамента вощенная керамика. Преобладает сохранявшийся в горных и южнобережных крымскотатарских селах вплоть до депортации 1944 г. отгонный тип животноводства. Тавры выращивали пшеницу, ячмень, горох, фасоль. Зерно хранили в до 2 м. глубиной ямах (аналогичные ямы для хранения зерна у южнобережных и горных крымских татар имеют название «урь», «урю». – *И. З.*) и в огромных, типа пифосов, кувшинах («куб»). Так как в других языках Крыма нет аналога слову «урю», возможно, что это сохранившийся в языке горно-южнобережных крымских татар термин – реликт таврского языка. В III в. до н. э. завершился переход тавров от мотыжного к плужному земледелию. Результаты раскопок таврского поселения, называвшегося в период средневековья Уч-Баш, указали на культивирование ими своих сортов черешни, алычи и вишни. Остатки груш, яблок, грецких орехов и черешни были обнаружены на раскопках могильников, относящихся к тому времени поселениям кочевников скифов. Возможно, что эти плоды в своих горных лесных садах чаирного типа выращивали тавры и поставляли своим соседям степнякам скифам. Культивируемые таврами и тавроскифами методы горного хозяйствования, и в том числе способы столь популярного в Горном Крыму чаирного садоводства, растениеводства, а также заготовку древесного угля и отгонное (яйловое) животноводство горные крымские татары сохраняли в своей хозяйственной среде вплоть до депортации 1944 г. В таврском обществе, в отличие от постоянно покушавшихся на их лучшие для сельскохозяйственной обработки земли переселенцев-эллинов, отсутствовало рабство.

Автор ни в коей мере не утверждает и не настаивает на существовании прямой преемственности культуры потомков крымской горной народности горных и южнобережных крымских татар, а также греко-татар – урумов по причине отсутствия результатов достаточного количества археологических, антропологических и исторических исследований соответственной научной тематики – культуры первого аборигенного крымского этноса тавров и сменявших их в горах Крыма на протяжении античного и раннесредневекового времени пришлых этносов. Окончательную ясность в вопрос, существует ли на самом деле генетическая связь между первым аборигенным этносом полуострова таврами и потомками выходцев из древних поселений горных и южнобережных крымских татар, а также греко-татар – урумов, может внести проведение генетических исследований останков из таврских захоронений и достаточного количества (с учетом влияния на качество генетических исследований миграционных процессов) мужчин горных и южнобережных крымских татар-выходцев из сел, на территории которых были обнаружены захоронения тавров. Для определения степени преемственности культурой потомков крымской горной народности татов культуры сменивших в античное и раннесредневековое время тавров в горах Крыма пришлых на полуостров этносов, следует продолжить на государственном уровне археологические, антропологические и историко-этнографические исследования среди этнографических групп южнобережных и горных крымских татар, начатые в 1920-е гг. в Крыму Б. А. Куфтиным, Г. А. Бонч-Осмоловским и другими учеными, распространив по возможности эти исследования на греко-татар – урумов Приазовья.

II.2. Культура первых пришлых соседей тавров – киммерийцев.

Первым этносом, представлявшим сформировавшуюся в евразийских степях культуру кочевого мира в Крыму, стали появившиеся в IX в. до н. э. в Северном Причерноморье киммерийцы, археологическая культура которых известна по курганным могильникам, называемым исследователями «киммерийскими» [13]. В античных и переднеазиатских письменных источниках киммерийцы известны с VIII в. до н. э. Сведения о них сохранились у древнегреческих авторов, в ассирийских клинописных архивах и библейских текстах. Этноним «киммерийцы» является древнейшим из дошедших до наших дней наименований кочевого восточноевропейского народа. Киммерийцы, этническое происхождение которых достоверно не установлено, захватили Равнинный Крым, отбросив в горы и на южное побережье коренное население Крыма – племена тавров. Именем киммерийцев никогда не бывавший на полуострове Геродот называл, в частности, Боспор Киммерийский (Керченский пролив) и Киммерийскую землю (северо-восток Крымского полуострова). Носителями киммерийской культуры считают ираноязычные фракийские – фрако-киммерийские племена с подключением сообществ ностратического

языкового круга. Они не были однородным народом, в их геноме прослеживается влияние народов бронзового века Южного Урала, а также Центральной Азии и Дальнего Востока [48].

Археологические памятники IX–VIII вв. до н. э. в Крыму достаточно сложно связать с историческими киммерийцами, так как все античные источники, в частности Геродот, о пребывании здесь киммерийцев говорят как о легенде.

Основная их масса, преследуемая скифами, переместилась на территорию Малой Азии. К началу греческой колонизации Северного Причерноморья в VI веке до н. э. киммерийцы покинули Крымский полуостров, и здесь они с греческими колонистами не сталкивались. Около 700 г. до н. э. киммерийцы, разгромив государство фригийцев, заняли западную часть Анатолийского плоскогорья. Здесь в это время наблюдается особая киммерийская культура Анатолии, имеющая признаки культур Причерноморья и эллинистического влияния. Здесь, у стен столицы Фригии – Гордиона, они были окончательно разбиты наступившими их скифами. Насколько действенное участие приняли в этногенезе и формировании художественной культуры тавров киммерийцы и участвовали ли они в этом процессе вообще, не может подтвердить ни один современный источник, но в античной литературе и топонимике Крымского полуострова этот этноним оставил след, чего нельзя сказать о свидетельствах проникновения художественной культуры и декоративного искусства киммерийцев в культуру и искусство первых крымских аборигенов. При раскопках в Крыму киммерийских археологических памятников каких-либо изображений, росписей или рисованных орнаментов, выполненных киммерийцами, за исключением орнаментальной резьбы по кости, не обнаружено. Идентификация материалов из раскопок могилы воина в кургане у с. Зольного (б. Янъы Кулчукъ) близ г. Симферополя в 1962 г. А. А. Щепинским дала возможность обобщить стиль предметов декоративного искусства киммерийских захоронений Крыма с аналогичными предметами из киммерийских захоронений Среднего и Нижнего Поднепровья. В кургане, помимо вещей, свойственных киммерийским предметам декоративного искусства, оказался великолепный набор костяных украшений конской узда. Вещи воинского и домашнего обихода, изготовленные в духе киммерийского прикладного искусства, есть в памятниках чернолесской, протомеотской, кобанской, ананьинской и фрако-киммерийской культур. У киммерийцев в резьбе по кости преобладали плоский рельеф и гравировка. Литье из бронзы и золота выполнялось по восковым моделям. Применялись чеканка, штамповка и паяние (золотом по золоту). Для киммерийского орнаментального и декоративно-прикладного искусства типичны геометрические орнаменты в виде одинарных и concentрических кружков, розеток, разнородных спиралей, меандров, ромбовидных фигур, а также зооморфные образы, известные в киммерийское время по единичным декоративным изделиям [35, с. 157–169]. Известны каменные изваяния киммерийского

времени с грубой орнаментальной насечкой из Штормового. Костюм малоазиатских киммерийцев представлен на росписях греческих и этрусских ваз, где они одеты в туники до колен и фригийские колпаки, а также по изображению киммерийцев на ионийском саркофаге Клазомены VI в. до н. э. [22, с. 57]. Вопрос присутствия культурно-исторического наследия киммерийцев в Крыму остается спорным.

II.3. Культура крымских скифов, тавроскифов, сарматов, алан, готов и эллинских городов-колоний.

В VII в. до н. э., до высадки на землях тавров греческих колонистов, на периферии таврской этнической территории появились вытесняемые из Азии саками (восточными скифами), мидянами и персами скифы, представлявшие собой несколько народов разной расы, в свою очередь изгнавшие с территории Крымского полуострова своих дальних сородичей киммерийцев. Предполагают, что ираноязычные западные скифы, названные впоследствии Геродотом земледельцами – пахарями, довольно скоро перешли к оседлости и своей значительной культурой оказывали влияние на своих продолжавших кочевой образ жизни северо-западных соседей, называемых Геродотом царскими скифами. Кочевавшие на просторах Северного Причерноморья и Степного Крыма скифы, вероятно, являлись не только представителями иранских этносов, но и урало-алтайцами [45, с. 31]. В пользу возможного присутствия среди кочевых скифов урало-алтайских этносов может свидетельствовать и принадлежность к считающейся обозначением в современной антропологии одной из переходных между монголоидами и европеоидами южносибирской или туранской расе восточных скифов. Южносибирская раса была выделена одним из основателей советской физической антропологии, автором методов расового анализа А. И. Ярхо и имела распространение на западе Южной Сибири, в Средней Азии, Казахстане, степях Предкавказья и Крыма, являясь характерной для хакасов, тувинцев, шорцев, алтайцев, казахов, киргизов, каракалпаков, ногайцев и степных крымских татар. В высеченных по приказу персидского царя Дария I на трёх языках (древнеперсидском, эламском и вавилонском) и датировемых 521–520 гг. до н. э. Бехистунских надписях «саками» называются все скифы. В распространении драгоценных шелков в Центральную Азию, Северное Причерноморье, Крым и Средиземноморье из древнего Китая участвовали кочевые племена саков и скифов, невольно становясь ретрансляторами художественной культуры этих регионов.

После занятия равнин Крымского полуострова скифами их погребения в Крыму стали отражать таврские обычаи, к примеру скифские курганы между Альмой и Качей содержат много таврского инвентаря. В III–II вв. до н. э., когда центр степного скифского государства переместился в Крым, был основан новый политический и культурный центр нижнеднепровских и крымских ски-

фов Керменчик – Неаполь Скифский (иранизм «керменчик» в крымскотатарском языке означает «крепостца»), начался процесс тавро-скифского культурного и этнического взаимовлияния и взаимопроникновения на этот раз уже со скифским уклоном. По результатам раскопок, а также исследуя росписи греческих керамических ваз и рельефные изображения скифской торевтики, установлено, что мужской скифский костюм состоял из рубашки, короткого и узкого распашного мехового кафтана, носимого мехом внутрь, пояса и длинных меховых или войлочных штанов (аналогичные меховые штаны у степных крымских татар – «шакъшыр»), заправляемых в кожаные сапоги без подметок и каблуков. Голову покрывали остроконечной шапкой с назатыльником. Плащ надевался на одно или два плеча и застегивался фибулой. В костюме применяли большое количество ювелирных украшений: браслеты, ожерелья, наборные пояса. Женский костюм состоял из короткого мехового или войлочного кафтана, с длинными декоративными рукавами, мехового нагрудника, полусапожек из мягкой кожи с вышивкой и тонких войлочных носков, по необходимости носились штаны, но больше предпочитались платья. Все это было расшито и украшено по мере возможности. Головы скифских женщин украшали косы, иногда оформленные в сложные прически, с булавками, войлочными жгутами и даже накладными волосами. Головные уборы имели вид кожаной «скуфейки» с тульей и прикрывающей плечи меховой оторочкой или же представляли собой нечто типа деревянного «шлема» с разукрашенной кожаной крышкой и отверстиями для кос, укладываемых поверх. Текстиль скифов представлен главным образом войлоком, шерстяными, льняными и конопляными тканями. Художественные ремесла и декоративное искусство, украшающие кочевой быт, находились у скифов на высочайшем уровне. Начиная с IV–III вв. до н. э. от центрально-азиатских скифов-саков, осевших в среднем течении реки Хуанхэ, штаны позаимствовали китайцы. А во II–IV вв. н. э. мода на штаны скифов наконец докатилась до греков и римлян.

И мужчины, и женщины скифов носили серьги, гривны (на шее) и браслеты, выполненные в знаменитом скифском зверином стиле в технике перегородчатой эмали и зерни, пользовались зеркалами (серебряными и бронзовыми). В захоронениях найдены мумии скифов с хорошо сохранившейся на коже орнаментикой татуировок растительных и звериных мотивов. Изображения реальных и фантастических зверей, лошадей, орлов, грифонов покрывали плечи и руки скифских мужчин, также знатных скифских женщин и жриц. В захоронениях скифской знати из курганов Крыма были найдены многочисленные декоративные изделия из золота, электра, серебра, литой бронзы, кости, дерева, кожи (сосуды, конская упряжь, одежда, зеркала, гребни, бляхи, ювелирные украшения), искусно орнаментированное оружие, доспехи. Своеобразие художественной культуры скифов выражалось в так называемом зверином орнаментальном стиле, изображающем хищников – львов, пантер, тигров,

барсов, орлов, кабанов, а также баранов, быков, козлов, оленей и рыб. Огромную роль в скифском декоративном искусстве играли привнесенный скифами в крымскую художественную культуру образ иранской мифологии грифона, держащий зачастую голову оленя, а также образы таких фантастических животных, как рогатый волк, горный козел с орлиным клювом, кабан с когтистыми лапами, крылатый тигр с птичьей головой. В скифской сакральной картине мира птицы были связаны с небом (верхним миром), копытные животные – с землей (средним миром), а хищные звери – с подземным царством (нижним миром). Скифские мастера кроме целых фигурок на своих изделиях помещали характерные части животных – копыта, птичьи лапы, клювы, головы птиц и животных. Декоративные украшения на изделиях выполняли магическую роль образов-символов. В скифских стилизованных изображениях животных и сцен охоты соединились художественные традиции самих скифов, персов, греков. Такое понимание предметов звериного стиля включало в себя магическую силу, указание на божеств-покровителей и на принадлежность владельцев этих предметов к определенным сословиям или царствам. В орнаментике скифских произведений звериного стиля реалистичность образа соединялась со стилизованной декоративностью. На начальном этапе развития скифской художественной культуры изображение животных было близким к натуре, реалистично-обобщенным, но в ходе развития скифского декоративно-прикладного искусства в творчестве скифских мастеров усиливается декоративность, узорчатость, схематизм изображения, многократно усложняется орнаментальное обрамление фигуры изображаемого животного, сохраняя при этом высокое композиционное мастерство и выразительность. Скифский звериный стиль возник на основе древних тотемических воззрений и культуры кочевых азиатских народов и художественной культуры Великого Ирана. Тавры крымских предгорий переняли погребальные обряды скифов, в местах межэтнических тавро-скифских контактов широкое распространение получают тавро-скифские браки. К тому времени повсеместно распространенный в таврской среде, а также и среди новых соседей тавров – переселенцев из Малой Азии греков-колонистов религиозный культ богини матери природы Девы трансформируется в значительное явление, отражающее мощное проявление зрелой духовной культуры возникшего в результате ассимиляционных скифо-таврских процессов нового крымского этноса – тавро-скифов или скифо-тавров. Тавро-скифское святилище на Гурзуфском седле в 20-х гг. I в. до н. э. являлось важнейшим общественным и религиозным центром населения Горного Крыма. С усилением влияния на духовную культуру аборигенного населения Крымского полуострова – переселенцев эллинов, а затем римлян, у тавро-скифов появляется пантеон, близкий к греко-римскому, распространяются обряды сожжения умерших. Свидетельством влияния античной культуры на рубеже I в. до н. э. – I в. н. э. на религию и культуру тавро-скифов является ис-

пользование ими античных божеств [27, с. 214–218]. В культуре тавро-скифов сохраняются некоторые элементы декоративного искусства Великого Ирана и Центральной Азии, ретрансляторами которого явились западные и восточные скифы. В свете последних генетических исследований подтвердилась гипотеза присутствия среди скифов и пратюркских племен [38, с. 61], что дату присутствия предков тюркских народов в Крыму делает более древней. Процесс скифской аккумуляции тавров сказался на развитии тавро-скифской художественной культуры и декоративно-прикладного искусства. За время многовекового соседства тавров, а затем тавро-скифов с греками-колонистами и их совместного проживания в Херсонесе, Боспоре и других античных городах-колониях Крыма на художественную культуру и декоративное искусство аборигенного населения Крыма оказали свое влияние художественная культура и декоративно-прикладное искусство греческих переселенцев, находившихся по сравнению с таврами и тавро-скифами на более высоком уровне социального и культурного развития. В сферу художественной культуры крымских аборигенов тавров и тавро-скифов проникли элементы одного из самых совершенных по технике и разнообразию в древнем мире эллинского декоративного искусства. Предположительно численность таврского населения Крымского полуострова в доантичный период составляла 5–6 тысяч человек, а в античный – 15–20 тыс. человек [12, с. 105–107]. В. Колотухин приводит цифру в семьдесят восемь выявленных в Крыму таврских поселений и могильников [21, с. 128]. Историки считают, что как обладающий собственной культурой самостоятельный народ тавры перестали упоминаться в письменных источниках сразу же после исчезновения с исторической арены скифов в IV веке. Выдающийся археолог, организатор Тавро-скифской экспедиции П. Н. Шульц указывал, что остатки этого аборигенного крымского этноса сохранялись в Крымских горах до периода раннего средневековья, то есть VII–VIII вв. н. э. [44, с. 235–272, с. 257]. Существует подтверждаемое археологическими данными научное предположение о том, что тавры морского побережья и речных долин Юго-Западного Крыма в IV в. н. э. были оттеснены гуннами на плато Мангуп, а обитавшие на тот момент в предгорьях и других горных регионах Крыма тавры смешались прежде всего со скифами, а впоследствии уже тавры и тавро-скифы смешались с сарматами, аланами и разгромившими скифскую державу готами [33, с. 155], образовав тем самым этническую основу горной крымской народности татов. Период римского могущества к этому времени завершился, а гегемонию сменивших их господство в Крыму аланов и готов на заре эпохи раннего средневековья прервали кочевники-тюрки – гунны, а затем последовательно тюрки и тюрко-булгары Западного Тюркского, Аварского и Хазарского каганатов.

Художественная культура тавров и тавроскифов должна была оставить след в материальной и художественной культуре, унаследовавших от них че-

рез генезис и культуру вышеупомянутой крымской горной народности татов статус аборигенов Крымского полуострова – горных и южнобережных крымских татар, а также греко-татар – урумов. Большое количество старинных горных крымскотатаро-урумских селений возникло практически на фундаментах изначально таврских поселений, в которых последовательно селились ассимилировавшие тавров скифы, выступившие совместно с тавро-скифами этническим субстратом процесса формирования получивших от соседей тюрков название татов Крыма крымской горной народности, а также сарматы, аланы, готы и представители тюркских кочевых этносов раннего средневековья (гунны, тюрко-булгары, узы, торки и печенег), сыгравшие в этом процессе наряду с византийцами роль этнического и культурного суперстрата [4, с. 33]. Крымские этносы, унаследовавшие гены зачинателей крымской этнической идентичности – тавров и получившие с приходом в Крым русских этническое название горных и южнобережных крымских татар, а также греко-татар – урумов, продолжили традиции этого первого аборигенного крымского народа в некоторых видах хозяйствования и культуры быта. Примерами такой преемственности могут являться способы возведения жилых и хозяйственных зданий греко-татарами – урумами, а также горными и южнобережными крымскими татарами таврским методом применения описанных выше плетенных из толстых веток кизилового дерева («чум» и «кызылчык») и фундука («читлевуку» и «фындык») с последующей штукатуркой этих плетеных конструкций саманом (смешанной с армирующей ее соломой желтой водонепроницаемой глиной), а также сухой (циклопической) кладки камня при возведении стен при строительстве хозяйственных построек и длинных ограждающих подворья каменных стен («дивар», «дивал» – иранизм в крымскотатарском языке. – *И. 3.*). Оба этих «таврских» строительных метода использовались крымскими татарами практически вплоть до их поголовной депортации 1944 года. Сменивший под непосредственным влиянием культуры и искусства тавров при украшении греческими переселенцами Крымского полуострова керамики, торевтики и текстиля обычный эллинский орнамент условный таврский стиль резко геометризуется и упрощается [32, с. 180] где-то в III в. н. э. Возможно, что как следствие именно этого процесса геометрический орнамент преобладает в традиционных вышивках горно-южнобережных крымских татар и урумов по сей день. О долговечности влияния аборигенной таврской духовной культуры на культуру пришельцев – греческих колонистов, а также скифов и сарматов может свидетельствовать факт чеканки на монетах греко-скифо-сарматского Боспора изображения верховной богини тавров Девы вплоть до установления здесь власти Римской империи. Представляющие архитектурную культуру тавров величественные фортификационные укрепления «длинные стены» и другие таврские сооружения, пережив сам этот народ, использовались византийцами и крымскими татарами-татами, получив у последних

названия «исар», «хисар» (иранизм в крымскотатарском языке, означающий «укрепление», «стена». – *И. З.*).

На наследование генотипов индоарийского и индоиранского генофонда, к которым начиная с тавров принадлежали смешивавшиеся в Крымских горах этносы скифов, греков эллинов, сарматов, алан, готов, византийцев, турок османов – генофондом современных горных и южнобережных крымских татар, а также греко-татар – урумов Приазовья указывают результаты этногенетических исследований Московского научно-исследовательского института генетики РАН в работе А. Т. Агджоян «Генофонд коренных народов Крыма по маркерам Y-хромосомы». Она пишет, что среди горных и южнобережных крымских татар распространена арийская гаплогруппа R1a, ближневосточные гаплогруппы J2 и G2a3b1, E1b1b1, встречающиеся в Северной Африке и на Аравийском полуострове, и «западноевропейская» гаплогруппа R1b. У степных крымских татар встречается азиатская гаплогруппа C [1, с. 6]. Российский генетик приводит научно обоснованное подтверждение теории формирования крымскотатарского этноса в результате смешения мигрировавших в Крым в средневековье кочевых народов Евразии, и прежнего населения Крыма. Под прежним населением в первую очередь подразумеваются аборигены полуострова тавры и ассимилированные сармато-алано-готами тавро-скифы [19, с. 3], эволюционировавшие к X в. в «единую крымскую горную народность» [4, с. 33], именуемую окружавшими ее тюрками – татами. Характеризуя три этногеографические группы крымских татар – степную, горную и южнобережную, Агджоян делает ударение на их четкое различие в особенностях языка и физического облика [1, с. 3, 4]. В ходе проведения изучения популяции горных, южнобережных и степных крымских татар, крымских греков урумов – греко-татар и румеев-айлинцев Приазовья по трем генетическим системам (Y-хромосомы, мтДНК, полногеномных панелей аутосомных SNP) – Агджоян была сделана оценка вклада основных источников миграций (восточнославянского, степного тюркоязычного, средиземноморского и ближневосточного населения) в формирование генофонда автохтонных этносов Крыма [1, с. 5]. Московская исследовательница также отметила, что «особенности трех диалектов крымскотатарского языка сохранялись до депортации, причем различия между северным и двумя более южными диалектами были столь велики, что их носители часто не понимали друг друга. Вплоть до того, что эти языки можно было считать самостоятельными языками огузской и кыпчакской групп тюркской языковой семьи. Подобный тренд выявлен и по генетике: северный генофонд степных крымских татар существенно отличается от сходных между собой генофондов двух более южных субэтносов – горного и южнобережного. Генофонды греков урумов и румеев близки между собой за счет преобладающей доли «морского» генетического слоя, однако вклад последнего более ярко выражен у румеев. Для урумов наиболее родственные

генофонды прослеживаются преимущественно в Крыму – это горные и южнобережные крымские татары, от которых урумы и заимствовали язык» [1, с. 5]. Результаты геномных исследований указывают на сохранение в генофонде автохтонов Крыма крымских татар, греко-татар – урумов и румеев-айлинцев как первоначального «средиземноморского» компонента на протяжении более 2,5 тысячи лет, так и более позднего – «евразийского степного» компонента – в северных степных районах Крыма [1, с. 22]. Дата «более 2,5 тысячи лет» соответствует времени расцвета таврского этноса и культуры в Горном Крыму.

Определяющее влияние на процесс формирования художественных промыслов и декоративного искусства крымских аборигенов оказала художественная культура трех древних крупнейших политических, экономических и культурных центров полуострова – Пантикапея (Керчь), Херсонеса (Сары-Кермен) и Неаполя Скифского (Керменчик).

Пантикапей-Боспор основан в VI в. до н. э. выходцами из малоазийской колонии греков-ионийцев Миллета на контролируемой степняками – скифами территории на месте современной Керчи. Некрополь Пантикапея состоял из грунтовых захоронений эллинов и цепи насыпных курганов с захоронениями представителей аристократии скифов Юз-Оба (кр.-тат. «сто насыпных холмов»), осуществлявших военный протекторат над Пантикапеем.

В Боспорском царстве доминировали смешанные с эллинской культурой художественная культура, декоративное искусство и художественные ремесла синдо-меотской, таврской, фракийской, фрако-анатолийской с преобладанием североиранской культуры сарматов [21, с. 85].

В III веке н. э. синдо-меото-скифо-сармато-алано-фракийско-эллиническое Боспорское царство подвергается нападению германцев-остготов, а в 370-е гг. н. э. Пантикапей был завоеван первыми тюрками полуострова гуннами. После их двухсотлетнего властвования город гуннов переходит под власть поселившихся в нем тюрок хазар и тюрко-булгар, после чего он становится известным как К-р-ц – Керш – Кериш – Керичь – Керчь. Именно на территории бывшего Боспора обнаружены в самом большом количестве по Крыму ювелирные изделия, торевтика, керамика, образцы настенных росписей, резьбы по камню с элементами эллинизированного орнаментального искусства вышеперечисленных этносов, что позволяет характеризовать Боспор как основной центр развития полиэтничного античного декоративно-прикладного искусства и художественных промыслов в Крыму.

Второй по значимости древний крымский «плавильный котел» аборигенной крымской и привнесенной на полуостров эллинистической художественной культуры и декоративно-прикладного искусства г. Херсонес Таврический был основан в 424/421 годах до н. э. переселенцами-дорийцами из малоазийской колонии – Гераклеи Понтийской. Уступая во II веке до н. э. в войне со ски-

фами (скифам перешел весь Северо-Западный Крым вместе с Керкинитидой и Калос Лименом), херсонеситы обратились за помощью к царю Понта, потомуку персидской династии Ахеменидов – Митридату VI Евпатору. После его смерти Херсонес, подчинившись Риму, становится форпостом римских войск в Северном Причерноморье.

С утверждением христианства в Херсонесе безжалостно разрушаются памятники античного искусства, театры, храмы, их заменяют христианские церкви и часовни. В IV–V вв. город ведет тяжелую оборонительную борьбу с гуннами. В V в. Херсонес вошёл в состав Византийской империи, а в IX в. стал ее фемой. Византийцы называли его Херсоном, славяне – Корсунем, а тюрки – Сары-Керменом (кр.-тат. «желтая крепость»). После скифов и гуннов городу, поочередно угрожали хазары, печенеги, русы и половцы-куманы. В 988 г. русы во главе с киевским князем Владимиром после многомесячной осады и предательства одного из местных жителей захватили и разграбили город. Вплоть до высадки в 1220-х гг. на Южном побережье Крыма войск сельджукского султана Алаэддина Кейкубада под командованием эмира Кастамону Хюсаметтина Чобана и появления на полуострове татаро-монгольских отрядов Чингисхана Херсон оставался форпостом Византии в Крыму. В 1299 г., после убийства в Судакке Актачи, внука беклербека Золотой Орды эмира Ногая, его войска разорили южный берег Крымского улуса Золотой Орды и в том числе Херсонес. В середине XIV в. по договору с правителями Крымского улуса Золотой Орды контроль над городом осуществляли генуэзцы. В 1363 г. Великий князь Литовский Ольгерд разбил войско татар Крымского улуса близ устья Днепра, вторгся в Крым и, опустошив Сары-Кермен (Херсон), вывез все ценные церковные предметы. Его наследник Великий князь Витаутас в 1397 г. пошёл на Крым и снова разрушил город. В 1399 г. беклербек Золотой Орды эмир Эдиге, предав город огню и мечу, окончательно прекратил существование Сары-Кермена (Херсонеса) как города, просуществовавшего в качестве крымскотатарского селения до конца XVIII в. [31, с. 19]. В Херсонесе и близлежащих к нему населенных крымской горной народностью татов Крыма территориях было развито камнерезное, гончарное, ювелирное орнаментальное искусство. Херсонес играл роль главного центра распространения христианской религии восточного византийского обряда (греко-православия) в Крыму и, что самое важное, основного ретрансляционного центра распространения в Горном и Южнобережном Крыму византийской церковной орнаментики.

В III в. до н. э. в центре Внешней гряды Крымских гор, на месте бывшего таврского поселения был основан главный скифский город в Северном Причерноморье Неаполь Скифский (Керменчик). Отождествляемое с Неаполем Скифским городище площадью в 20 га было обнаружено и раскопано в 1827 г. благодаря стараниям внука крымского хана Крым Гирея I А. И. Султан-Крым-

Гирея на территории крымскотатарского поселения Керменчик, прилегавшего ранее к ставке калгай султанов Крымского ханства г. Акмечети. И. П. Бларамберг идентифицировал Керменчик с руинами легендарной скифской столицы. Расцвета обладавших высокой художественной культурой скифов и тавроскифов город достиг во II в до н. э. в годы правления царя Скилура и прекратил своё существование в результате нашествия готов в III в. н. э. В Керменчике был обнаружен мавзолей с пышными и богатыми захоронениями (72 погребения, в том числе царя, знати с конями, оружием, множеством золотых украшений), выявлены остатки жилых и культовых построек с интересной настенной росписью, были обнаружены плиты с рельефами, барельефами, граффити и фресками с использованием античной и кочевой орнаментики, проливающих свет на историю художественной культуры смешивавшихся с таврами скифов.

Географическое положение Крыма обусловило «транзитный» характер особо повлиявшей на развитие художественной культуры тавроскифов – позднескифской культуры, явившейся результатом функционирования системы этнокультурных коммуникаций, в которых преобладал вектор Восток – Запад, Азия – Европа [21, с. 143]. Есть мнение о существовании здесь уже с VI в. до н. э. смешанного скифо-таврского этноса [29, с. 33], памятники декоративно-прикладного искусства которого характеризуют, помимо классической скифской триады – оружие, конское снаряжение и декоративный орнаментальный звериный стиль в ювелирном искусстве скифов, присущая кизилкобинской культуре лепная лощенная орнаментированная керамика, а также погребальные каменные «ящички» и склепы [29, с. 76]. Основными орнаментами и узорами тавроскифов стали воспроизведенные ими стилизованные изображения сопровождающих их жизнь различных природных явлений, птиц, диких и домашних животных. Любой орнамент и узор, обнаруженный в ходе археологических исследований в Крыму, помогает лучше понять процесс формирования художественной культуры аборигенных крымских этносов. К рубежу античного и раннесредневекового периода в предгорных и горных регионах полуострова уже проживало стабильное автохтонное тавроскифское население.

В позднеантичный период многовековая военная гегемония в равнинной части Крымского полуострова скифов сменилась военным господством сармато-алан. Само появление и оседание сармато-алан означало прилив в Крым очередной мощной волны, сформировавшейся на просторах Азии сугубо восточной культуры, носителями которой они являлись. Усиление сармато-аланской суперэтнической общности привело в западной части Евразии к уничтожению военной мощи скифов и принуждению к данничеству греческих колоний Северного Причерноморья. Боспор, Херсонес и Неаполь Скифский, оставались основными культурными центрами Крымского полуострова, через товары прибывающих в эти города греческих, скифских, сарматских,

аланских и иудейских купцов доходили до жителей полуострова последние веяния в ювелирной моде, орнаментированном женском и мужском костюме знати, новые достижения в декоративно-прикладном искусстве эллинского и иранских миров, а также Среднего и Ближнего Востока.

На образ жизни и художественную культуру крымского аборигенного этноса тавроскифов, равно как и на их художественные промыслы и декоративное искусство, оказали свое влияние художественная культура и искусство носителей эллинской культуры греков-колонистов и носителей азиатской культуры Великого Ирана и Юга Сибири – поздних скифов, а также азиатская культура родственных им степняков сарматов и алан. В традиционную среду обитания тавроскифов в предгорьях и горах полуострова проникают и обосновываются на их землях поочередно степняки сарматы, аланы, германцы готы и в определенном количестве первые известные из письменных источников тюрки Крыма – гунны. Олицетворявшие своим появлением в Крыму наступление периода раннего средневековья, исповедовавшие греческое православие разноэтничные византийцы привнесли аборигенам полуострова христианство и художественную культуру византийского церковного обряда, обусловленную помпезностью богатства убранства и разнообразия орнаментики вышивок облачения священнослужителей и церковного декора.

Узоры и орнаментика сарматов несли в себе одновременно эстетические и сакральные функции, являясь частью декоративно-прикладного искусства высочайшего уровня. Пропорции, форма, тематика и виды декора оружия, музыкальных инструментов, украшений и предметов быта тавро-скифо-сармато-аланского населения Крымского полуострова отражали символику и семантику культовых обрядов и религиозно-мифологических представлений этих этносов. Выполненные в зооморфном стиле произведения скифского, сарматского и аланского декоративного искусства отражали яркую многокодую символику мировоззренческих идей общественной иерархии степного кочевого сообщества. В зооморфных украшениях мастера этих этносов закладывали глубокий идеологический смысл, своеобразный закодированный этно-тотемный знаковый текст. Сакральная система взаимосвязи образов-символов и родовых знаков-тамг отражала социальную структуру кочевой родо-племенной организации. Каждая тамга сарматов и алан так же, как позже и у степных крымских татар, представляла собой знак-символ принадлежности к определенному роду и племени. Степные родовые тамги становились личными знаками царей Боспора сарматского происхождения. Историко-искусствоведческие исследования последних лет подтверждают, что многие традиции, сохранившиеся в художественной культуре, декоративном и орнаментальном искусстве современных народов Кавказа, Крыма, Средней Азии и Западной Сибири, берут свое начало от традиций скифо-сарматской художественной культуры.

На рубеже эпохи заката античной истории и начала эпохи раннего средневековья художественные промыслы и декоративное искусство, в том числе ткачество, гончарное, ювелирное, а также выделка кож, художественная обработка металла и камня, стали неотъемлемыми элементами быта, повседневной жизни и художественной культуры аборигенного населения Крымского полуострова. Импульсы художественной культуры из крымских античных городов-полисов расходились по регионам полуострова и, достигнув культурной среды горного таврского и тавроскифского населения, насыщали и обогащали их художественную культуру и декоративное искусство. Тысячелетняя история этнических контактов, метисации и ассимиляции в предгорьях и горных районах полуострова аборигенов тавров и пришлых скифов завершила античный период истории этнического и культурного развития полуострова формированием в Крымских горах нового крымского автохтонного этноса – тавроскифов, выступившего в период раннего средневековья субстратом нового этногенетического процесса, роль суперстрата в котором сыграли осевшие в этих горах сарматы, аланы, готы, а также представители первых тюркских этносов на территории полуострова гунны и тюрко-булгары, завершившегося сложением предшествовавшей появлению греко-татар – урумов, горных и южнобережных крымских татар единой крымской горной народности татов.

Авторы той эпохи жителей крымских предгорий именовали тавроскифами [2, с. 213]. Мирное проникновение и оседание азиатов сарматов и алан в Боспоре привели в первой половине III в. к значительной иранизации населения этого царства. За сто с лишним лет до захвата Боспора гуннами многие жители, в том числе и правители царства, носили сарматскую и аланскую одежду и имели иранские имена. На рубеже II–III вв. количество иранских имен составляло пятую часть всех имен населения Боспора [50, р. 90–130, 173; 32, с. 90–93, 174; 25, с. 110].

Некоторые аланские племена перекочевали вглубь Крымского полуострова во II в. – первой половине III в., в не занятые сарматами и скифами места и поселились у границ территории, занимаемой римлянами – в 40-е гг. III в. выводившими свои гарнизоны из Горного Крыма и Боспора. После ухода римлян скифо-сарматское население городища Альма-Кермен стало строиться поверх римских построек [10, с. 60, 61; 39, с. 20]. Германские племена бораны и готы между 252 и 256 гг. обосновались на Южном берегу Крыма и на границе хоры Херсонеса. На склоне Чатыр-Дага близ заброшенной римлянами крепости Харакс и на реке Чоргун (Черная) появились некрополи с характерными для германцев кремациями. Одновременно на европейском Боспоре у с. Нижнезаморское и в Юго-Западном Крыму у границ хоры Херсонеса в Килен-балке и близ Балаклавы, на Второй и Третьей грядах (могильники Суворово, Красный Мак, Озерное), на плато Мангуп и на реке Чоргун (гидроним, имеющий, ве-

роятно, ираноязычное происхождение) селятся союзники германцев – аланы. На реке Чоргун, и те и другие жили вместе. В Тенистом возникли аланское убежище и связанный с ним некрополь. В низовьях реки Бельбек и на склонах Второй гряды в долине реки Бодрак сохранилось прежнее сарматское население. Уже к 325 г. в Боспоре существовала христианская община. Боспорский епископ Кадр участвовал в первом Вселенском соборе в истории христианства – Никейском соборе [7, с. 295; 52, р. 10–13; 47, с. 461]. Культура Боспора на тот момент представляла из себя симбиоз эллинской и сармато-аланской культур. В костюме правящей династии преобладали сармато-аланский стиль и греко-римские аксессуары. В художественной культуре и декоративно-прикладном искусстве догуннского Боспора преобладало смешение позднеантичного греко-римского, кочевого сармато-аланского и местного синдо-меотского художественного стиля и орнаментики.

Во втор. пол. III – IV вв. в этническом составе населения законодателя моды в Юго-Западном Крыму – Херсонеса значительно уменьшилась доля представителей балканских фракийских народностей и италийцев. В городе стали селиться аланы, ранее обосновавшиеся на границах его хоры, продолжали доминировать греко-римские аристократические кланы и греческое этническое сообщество. К концу III – перв. пол. IV вв. относятся обнаруженные в могилах некрополя Херсонеса изображения ранних христианских символов: фигурный сосуд из цветного стекла в форме рыбы [34, с. 232; 26, с. 125] и глиняные светильники с двумя рыбами на щитке [20, с. 13, рис. 3]. Херсонес оставался вторым после Боспора по значимости в Крыму центром развития декоративно-прикладного искусства, но первым по степени влияния на художественную культуру, начавшего складываться в треугольнике между г. Демерджи, м. Харакс и плато Мангуп этнического ядра крымской горной народности татов из этносов сохранявшегося в горах тавроскифского, сарматского и селившихся среди них аланского и готского населения.

Несколько забегая вперед, следует подчеркнуть, что после выселения в Приазовье греко-татар – урумов, влившиеся в состав современного крымскотатарского народа таты – горные и южнобережные крымские татары остались в единственном числе прямыми потомками вышеупомянутых носителей древнейшей культуры полуострова в Крыму, так как высланные вместе с урумами – греки румеи (урумей) и поселенные царским правительством в Крыму греки-арнауты (албанцы) являлись носителями традиционной культуры регионов материковой Греции. В этой связи также следует заметить, что по причине исторических и демографических катаклизмов, постигших крымскотатарский народ и выразившихся в утере им своей национальной государственности и наступившей вследствие многочисленных массовых эмиграций степного крымскотатарского населения

и тотальной депортации крымскотатарского народа, потере своей целостности, абсолютное большинство проживающего сегодня в Крыму этнического ядра крымскотатарского народа составляют этнографические группы горных и южнобережных крымских татар – потомков этносов, наследников культуры древнейшего населения Крымского полуострова, тогда как основную массу многомиллионной крымскотатарской диаспоры в среднеазиатских, балканских странах Турции, Европе и Америке сформировали потомки степных крымских татар.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агджоян А. Т.* Генофонд коренных народов Крыма по маркерам Y-хромосомы, мтДНК и полногеномных панелей аутосомных SNP 03.02.07. – генетика. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата биологических наук. Москва, 2018. 24 с.
2. *Айбабин А., Герцен А., Храпунов И.* Основные проблемы этнической истории Крыма // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып. III. С. 211–222.
3. *Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь. 1999. 352 с.
4. *Айбабин А.* На окраине Византийской цивилизации (византийский Крым). Алушта и алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. Киев, 2002. 245 с.
5. *Акчурина-Муфтиева Н.* Декоративно-прикладное искусство крымских татар XV – первой половины XX вв. Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография» (СГГ), 2008. 392 с.
6. *Башкиров А. С.* Крым в древние и средние века. Симферополь, 1929. 24 с.
7. *Бенешевич В.* Синайский список отцов Никейского первого вселенского собора // Известия Академии Наук. СПб., 1908. С. 281–306.
8. *Возгрин В. Е.* Исторические судьбы крымских татар. Москва, 1992. 446 с.
9. *Волошин М. А.* Культура, искусство, памятники Крыма // Забвению не подлежит... Казань, 1992. 101 с.
10. *Высотская Т. Н.* Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев: Наукова думка, 1972. 192 с.
11. *Домбровский О. И., Щепинский А. А.* Археологические загадки Красных пещер // Как раскрываются тайны. Симферополь, 1962. С. 11–47.
12. *Дюличев В. П.* Рассказы по истории Крыма. Симферополь: «Бизнес-Информ», 1966, с. 105–107.
13. *Ельницкий Л. А.* Киммерийцы // БСЭ [в 30 т. (т. № 24 в 2 кн.) + 1 кн. алфав.-именн. указ] / Гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Изд-во СЭ, 1973. Т. 12 (Кварнер – Конгур). 624 с.
14. *Жиров Е. В.* Костяки из грота Мурзак-Коба // Советская археология. Изд-во АН СССР. № 5, 1940. С. 179–186.

15. *Заатов И., Куртчиев Р.* Как происходил процесс формирования крымскотатарской народности. // Крым многонациональный – сборник вопросов и ответов. Симферополь: «Таврида», 1988. С. 41–61.
16. *Заатов И., Ермошкин С.* Крымские татары. // III Международный симпозиум МАПРЯЛ по лингвострановедению. Тезисы докладов. Одесса, 11–15 сентября 1989 г. С. 124 – 132.
17. *Заатов И.* Крымские татары // Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных этнокультурных процессах. Тезисы докладов международной конференции. Академия наук СССР Институт этнографии им. Миклухо-Маклая. Уфа, 16–18 сентября 1989 г. С. 129–136.
18. *Заатов И.* Группы крымскотатарского этноса // АН СССР Институт им. Миклухо-Маклая. Ленинградская часть. Среднеазиатско-Кавказские чтения. Ленинград, 1989 г. С. 24–28.
19. *Заатов И.* Крымскотатарское декоративно-прикладное и изобразительное искусство (генезис, эволюция, современное состояние). Симферополь: Издво «ТАРПАН», 2003. 336 с.
20. *Зубарь В. М.* Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом // Византийская Таврика. Киев, 1991. С. 8–29.
21. История Крыма: в 2 е. / отв. ред. А. В. Юрасов. М.: Кучково поле, 2018. Т. 1. 600 с.
22. *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа / Отв. ред. А. П. Симрнов. АН СССР. Ин-т археологии. М: Наука, 1960. 521 с.
23. Крым сквозь тысячелетия. Симферополь: ЛИРА, 2004. 576 с.
24. *Лесков А. М.* Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры. Киев. 1961. 198 с.
25. *Масленников А. А.* Население Боспорского государства в первых веках н. э. М., 1990. 230 с.
26. *Мецереяков В. Ф.* О времени появления христианства в Херсонесе Таврическом // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л., 1978. С. 121–134.
27. Новиченкова Н. Г. Десятый полевой сезон на Гурзуфском Седле // Археологические исследования в Крыму в 1993 году: сборник научных трудов. Симферополь: Таврия, 1994. С. 214–218.
28. *Ольховский В. С.* О населении Крыма в скифское время // Советская археология. 1982. № 4. С. 61–81.
29. *Ольховський В. С.* До етнічної історії давнього Криму // Археологія. 1990. № 1. С. 27–38.
30. Османский реестр земельных владений Южного Крыма 1680-х годов. Выпуск первый: транслитерация / Под редакцией А. В. Ефимова. М.: Институт Наследия, 2020. 410 с.
31. Османский реестр османских владений Южного Крыма 1680-х годов. Выпуск третий: перевод / Под редакцией А. В. Ефимова. М.: Институт Наследия, 2021. 600 с.

32. *Ростовцев М. И.* Эллиństwo и иранство на юге России. Общий очерк. // Петроград: «Огни», 1918. VIII. 190 с.
33. *Соломонік Е. І.* Про значення терміна «тавроскіфи» // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1962. Т. XI. С. 153–157.
34. *Сорокина Н. П.* Три стеклянных сосуда IV в. н. э. с рельефными изображениями из Северного Причерноморья // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 3. Одесса. 1960. С. 228–233.
35. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы: монография АН УССР, Ин-т археологии УССР. Киев: Наук. думка, 1976. 220 [3] с.
36. *Формозов А. А.* Памятники первобытного искусства на территории СССР. М.: 1966. 128 с.
37. *Харузин А. Н.* Древние могилы Гурзуфа и Гугуша (на Южном берегу Крыма). Москва. 1890. 102 с.
38. *Хакимов Р. С.* К вопросу о тюркоязычных скифах как предтечи современных татар. // Крымское историческое обозрение. Научный журнал. № 1 (10), 2018, С. 61–74.
39. *Цветева Г. А.* Боспор и Рим. М., 1979. 138 с.
40. *Червонная С. М.* Искусство татарского Крыма. Москва, 1995. 320 с.
41. *Черкасов А. В.* Творческое наследие Е. В. Жирова в изучении первобытной истории Крыма // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 10–1. М. 2016. С. 165–168.
42. *Шелов Д. Б.* Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II–III вв. н. э. по данным ономастики // Вестник древней истории. 1974. № 1. С. 86–89.
43. *Шильтбергер Иоганн.* Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. Издательство «Элм». Баку. 1984. 87 [2] с.
44. *Шульц П. Н.* О некоторых вопросах истории тавров (терминология, хронология, взаимоотношения с античными городами) // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959. С. 235 – 272.
45. *Щербаков Н. А., Щербакова В. С.* «Скифы» из Прошлого России // Культурно-бытовые очерки по мировой истории под ред. Сидорова А. А. и Никольского В. К. № 2-3, книгоиздательство «Практические знания», Москва, 1918. 78 с.
46. *Эвлия Челеби.* Книга путешествия. Крым и сопредельные области (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Симферополь: издательство «ДОЛЯ», 2008. 272 с.
47. *Якобсон А. Л.* Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // Материалы и исследования по археологии СССР. 1958. № 85. С. 459–501.
48. *Maja Krzewińska, Gülşah Merve Kılınç, Anna Juras, Dilek Koptekin, Maciej Chyleński.* Ancient genomes suggest the eastern Pontic-Caspian steppe as the source of western Iron Age nomads // Science Advances. 2018-10-01. Vol. 4, iss. 10.
49. *Öztürk Yücel.* Osmanlı hakimiyetinde Kefe 1475–1600. TC Kültür Bakanlığı. Osmanlı Eserleri. 2000. 570 s.
50. *Roztofzeff A. I.* The Sarmatae and Pathians. Cambridge. 1936. 600 p.

51. Türkiye’de Halk Ağızlarından Derleme Sözlüğü (1960 yılından önce) Türk Dili Kurumu Yayınları. Ankara. 2009. 1452 s.

52. *Vasiliev A. A.* The Goth in The Crimea. Cambridge, Massachusetts, 1936. 292 p.

53. *Williams Brian Glyn.* The Ethnogenesis of the Crimean Tatars. An Historical Reinterpretation // Journal of the Royal Asiatic Society. Third Series, Vol. 11, No. 3 (Nov., 2001), pp. 329–348.

Сведения об авторе. Заатов Исмет Аблятифович – доктор философии в арткритицизме, кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация), старший научный сотрудник НИИ крымскотатарской филологии и культуры этносов Крыма Крымского государственного инженерно-педагогического университета им. Ф. Якубова (295015, Учебный пер., 8, Симферополь, Российская Федерация); zaatov@gmail.com

Ethnocultural basis of the formation process of the Crimean Tatar art culture and decorative and applied art (part one).

Ismet Zaatov

(Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, “Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University”)

Abstract. Based on the research results of Russian, Soviet and foreign archaeologists, anthropologists, geneticists and art historians, an attempt has been made to trace the process of formation of the artistic culture and decorative and applied art of descendants, who by the 10th –11th centuries took part in shaping of the Crimean mountain people, the Tats of the Crimea, the ancestors of the ethnographic groups of the modern Crimean Tatar people – the southern coastal and mountain Crimean Tatars, as well as of the Greco-Tatars – the Urums of the Azov region. And also to try to characterize the culture and decorative arts of the aboriginal and immigrant ethnic groups of the Crimean peninsula, who later took part in the process of ancient cultural genesis of the population of the mountainous and southern coastal Crimea. It also shows the initial stage of the process of cultural genesis of the steppe and foothill Crimean Tatars, which was going on parallel to the process of cultural genesis and formation of the artistic culture of the Tats of the mountainous and southern coastal Crimean Tatars.

Keywords: history, ethnocultural genesis, artistic culture, arts and crafts, Crimean mountain people, Tats, Taurus, Scythians, Tavro-Scythians, Sarmatians,

Goths, Alans, Huns, Türko-Bulgars, Guzes, Torks, Pechenegs, Kipchaks-Polovtsy-Cumans, Tatar-Mongols, Tatars, Crimean Tatars.

For citation: *Zaатов I. A. Ethnocultural basis of the formation process of the Crimean Tatar art culture and decorative and applied art (part one). Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review. 2021, no. 2, pp. 134–170. DOI: 10.22378/kio.2021.2.134-170*

REFERENCES

1. Agdzhoyan A. T. *Genofond korennykh narodov Kryma po markeram Y-khromosomy, mtDNK i polnogenomnykh paneley autosomnykh SNP 03.02.07. Agdzhoyan A. T. Genofond korennykh narodov Kryma po markeram Y-khromosomy, mtDNK i polnogenomnykh paneley autosomnykh SNP 03.02.07.* [Gene pool of indigenous peoples of Crimea for markers of Y-chromosome, mtDNA and whole genome panels of autosomal SNP 03.02.07] *genetika Avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata biologicheskikh nauk Moskva* – [genetics Abstract of the dissertation for the degree of candidate of biological sciences]. Moscow, 2018. 24 p. (In Russian)
2. Aybabin A., Herzen A., Khrapunov I. *Osnovnyye problemy etnicheskoï istorii Kryma* [The main problems of the ethnic history of the Crimea]. MAIET. Simferopol, 1993. Issue. III, with. 213, pp. 211–222. (In Russian)
3. Aybabin A. I. *Etnicheskaya istoriya rannevizantiyskogo Kryma.* [Ethnic history of the early Byzantine Crimea]. Simferopol. 1999. 352 p. (In Russian)
4. Aybabin A. *Na okraïne Vizantiyskoy tsivilizatsii (vizantiyskiy Krym). Alushta i alushtinskiy region s drevneyshikh vremen do nashikh dneï.* [On the outskirts of the Byzantine civilization (Byzantine Crimea). Alushta and Alushta region from ancient times to the present day]. Kiev, 2002. 245 p. (In Russian)
5. Akchurina-Muftieva N. *Dekoratивно-prikladnoye iskusstvo krymskikh tatar XV – pervoy poloviny XX vv.* [Decorative and applied art of the Crimean Tatars of the 15th – first half of the 20th centuries]. Simferopol: JSC “Simferopol City Printing House” (SGG), 2008. 392 p. (In Russian)
6. Bashkirov A. S. *Krym v drevniye i sredniye veka.* [Crimea in ancient and middle ages]. Simferopol, 1929. 24 p. (In Russian)
7. Beneshevich V. *Sinaïskiï spisok ottsov Nikeïskogo pervogo vselenskogo sobora* [Sinai list of fathers of the first Ecumenical Council of Nicaea]. *Izvestiya Akademii Nauk.* – Bulletin of the Academy of Sciences. SPb., 1908, pp. 281–306.
8. Vozgrin V. E. *Istoricheskiye sud'by krymskikh tatar.* [Historical fate of the Crimean Tatars]. Moscow, 1992. 446 p. (In Russian)
9. Voloshin M. A. *Kul'tura, iskusstvo, pamyatniki Kryma* [Culture, art, monuments of the Crimea]. *Zabveniyu ne podlezhit...* [Oblivion is not subject...]. Kazan, 1992. 101 p. (In Russian)

10. Vysotskaya T. N. *Pozdnie skify v Yugo-Zapadnom Krymu* [Late Scythians in the Southwest Crimea]. Kiev: Naukova Dumka, 1972. 192 p. (In Russian)

11. Dombrovsky O.I., Shchepinsky A. A. *Arkheologicheskiye zagadki Krasnykh peshcher* [Archaeological mysteries of the Red Caves]. *Kak raskryvayutsya tayny*. [How secrets are revealed]. Simferopol, 1962, pp. 11–7. (In Russian)

12. Dyulichev V. P. *Rasskazy po istorii Kryma*. [Stories on the history of Crimea]. Simferopol: “Business-Inform”, 1966, pp. 105–107. (In Russian)

13. Elnitskiy L. A. *Kimmeriytsy* [Cimmerians]. *BSE [v 30 t. (t. № 24 v 2 kn.) + 1 kn. alfav.-imenn. ukaz.* [TSB in 30 volumes (t. No. 24 in 2 books) + 1 book. alphabet-name decree. / Ch. ed. A. M. Prokhorov. 3rd ed.]. Moscow: SE Publishing House, 1973. Vol. 12 (Kvarner – Kongur). 624 p. (In Russian)

14. Zhiron E. V. *Kostyaki iz grota Murzak-Koba* [Bones from the Murzak-Koba grotto]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archeology]. Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR]. No. 5, 1940, pp. 179–186. (In Russian)

15. Zaatov I., Kurtiev R. *Kak proiskhodil protsess formirovaniya krymskotatarskoy narodnosti*. [How the process of the formation of the Crimean Tatar nation took place.]. *Krym mnogonatsional'nyy – sbornik voprosov i otvetov*. Multinational Crimea – a collection of questions and answers]. Simferopol: “Tavrida”, 1988, pp. 41–61. (In Russian)

16. Zaatov I., Ermoshkin S. *Krymskiye tatory*. [Crimean Tatars.]. *III Mezhdunarodnyy simpozium MAPRYAL po lingvostranovedeniyu. Tezisy dokladov*. [III International MAPRYAL Symposium on Linguistic and Cultural Studies. Abstracts of reports] Odessa, 11–15 September 1989, pp. 124–132. (In Russian)

17. Zaatov I. *Krymskiye tatory*. [Crimean Tatars.]. *Etnicheskiye i etnograficheskiye gruppy v SSSR i ikh rol' v sovremennykh etnokul'turnykh protsessakh. Tezisy dokladov mezhdunarodnoy konferentsii. Akademiya nauk SSSR Institut etnografii im. Miklukho-Maklaya*. [Ethnic and ethnographic groups in the USSR and their role in modern ethnocultural processes. Abstracts of reports of the international conference. USSR Academy of Sciences Mikluho-Maklay Institute of Ethnography]. Ufa, September 16–18, 1989, pp. 129–136. (In Russian)

18. Zaatov I. *Gruppy krymskotatarskogo etnosa*. [Groups of the Crimean Tatar ethnos.]. *AN SSSR Institut im. Miklukho-Maklaya. Leningradskaya chast'. Sredneaziatsko-Kavkazskiy chteniye*. [USSR Academy of Sciences Mikluho-Maklay Institute. Leningrad part. Central Asian-Caucasian Readings]. Leningrad, 1989, pp. 24–28. (In Russian)

19. Zaatov I. *Krymskotatarskoye dekorativno-prikladnoye i izobrazitel'noye iskusstvo (genезis, evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye)*. [Crimean Tatar arts and crafts and fine arts (genesis, evolution, current state)]. Simferopol: Publishing house “TARPAN”, 2003. 336 p. (In Russian)

20. Zubar V. M. *Proniknoveniye i utverzhdeniye khristianstva v Khersonese Tavricheskoy* [Penetration and establishment of Christianity in the Tauric Chersonesos] // *Vizantiiskaya Tavrika*. [Byzantine Taurica]. Kiev, 1991, pp. 8–29. (In Russian)

21. *Istoriya Kryma: v 2 e.* [History of the Crimea: in 2 books]. Ed. A. V. Yurasov. M.: Kuchkovo pole, 2018. Vol. 1. 600 p. (In Russian)
22. Krupnov E. I. *Drevnyaya istoriya Severnogo Kavkaza: monogr.* [Ancient history of the North Caucasus: monograph]. Resp. ed. A.P. Simrnov. ANSSSR. Institute of Archeology. Moscow: Nauka, 1960. 521 p. (In Russian)
23. *Krym skvoz' tysyacheletiya.* [Crimea through the millennia]. Simferopol: LIRa, 2004. 576 p. (In Russian)
24. Leskov A. M. *Gornyy Krym v pervom tysyacheletii do nashey ery.* [Mountain Crimea in the first millennium BC]. Kiev. 1961. 198 p. (In Russian)
25. Maslennikov A. A. *Naseleniye Bosporskogo gosudarstva v pervykh vekakh n. e.* [The population of the Bosphorus state in the first centuries A D]. M., 1990. 230 p. (In Russian)
26. Meshcheryakov V. F. *O vremeni poyavleniya khristianstva v Khersonese Tavricheskom* [About the time of the appearance of Christianity in the Tauric Chersonesos]. *Aktual'nyye problemy izucheniya istorii religii i ateizma.* [Actual problems of studying the history of religion and atheism]. L., 1978, pp. 121–134. (In Russian)
27. Novichenkova N. G. *Desyatyy polevoy sezon na Gurzufskom Sedle* [The tenth field season on the Gurzuf Saddle]. *Arkheologicheskiye issledovaniya v Krymu v 1993 godu: sbornik nauchnykh trudov.* [Archaeological research in the Crimea in 1993: collection of scientific papers] Simferopol: Tavria, 1994, pp. 214–218. (In Russian)
28. Olkhovsky V. S. *O naselenii Kryma v skifskoye vremya* [About the population of the Crimea in the Scythian time]. *Sovetskaya arkheologiya.* [Soviet archeology.]. 1982. No. 4, pp. 61–81. (In Russian)
29. Olkhovsky V. S. *Do yetnichnoï istorii davn'ogo Krimu* [Before the ethnic history of old Crimea]. *Arkheologiya.* [Archeology.]. 1990. No. 1, pp. 27–38. (In Russian)
30. *Osmanskiy reyestr zemel'nykh vladenyi Yuzhnogo Kryma 1680-kh godov. Vypusk pervyy: transliteratsiya* [Ottoman register of land holdings of the Southern Crimea of the 1680s. First edition: transliteration]. Edited by A. V. Efimov. Moscow: Institute of Heritage, 2020. 410 p. (In Russian)
31. *Osmanskiy reyestr osmanskikh vladenyi Yuzhnogo Kryma 1680-kh godov. Vypusk tretyi: perevod* [Ottoman register of the Ottoman possessions of the Southern Crimea in the 1680s. Third edition: translation]. [Edited by A. V. Efimov]. Moscow: Institute of Heritage, 2021. 600 p. (In Russian)
32. Rostovtsev M. I. *Rostovtsev M. I. Ellinstvo i iranstvo na yuge Rossii. Obshchiy ocherk.* [Hellenism and Iranianism in the South of Russia. General outline] Petrograd: “Lights”, 1918. VIII. 190 p. (In Russian)
33. Solomonik E. I. *Pro znachennyya termina «tavroskifi»* [About the meaning of the term “brand”]. *Arkheologični pam'yatki URSSR.* [Archaeological Pamyatki URSSR] Kiev, 1962. T. XI, pp. 153–157. (In Russian)
34. Sorokina N. P. *Tri steklyannykh sosuda IV v. n. e. s rel'yefnymi izobrazheniyami iz Severnogo Prichernomor'ya* [Three glass vessels from the 4th century AD with relief

images from the Northern Black Sea region] // *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya*. [Materials on the archeology of the Northern Black Sea region] No. 3. Odessa. 1960, pp. 228–233. (In Russian)

35. Terenozhkin A. I. *Kimmeriytsy: monografiya AN USSR, In-t arkheologii USSR* [Cimmerians: monograph of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR, Institute of Archeology of the Ukrainian SSR.]. Kiev: Nauk. Dumka, 1976. 220 [3] p. (In Russian)

36. Formozov A. A. *Pamyatniki pervobytnogo iskusstva na territorii SSSR*. [Monuments of primitive art on the territory of the USSR]. Moscow. 1966. 128 p.

37. Kharuzin A. N. *Drevniye mogily Gurzufa i Gugusha (na Yuzhnom Beregu Kryma)*. [Ancient graves of Gurzuf and Gugush (on the South Coast of the Crimea)]. Moscow. 1890. 102 p. (In Russian)

38. Khakimov R. S. *K voprosu o tyurkoyazychnykh skifakh kak predtechi sovremennykh tatar*. [On the issue of the Turkic-speaking Scythians as the forerunner of the modern Tatars]. *Krymskoye istoricheskoye obozreniye. Nauchnyy zhurnal*. [Crimean Historical Review. Scientific journal] No.1 (10), 2018, p. 61–74. (In Russian)

39. Tsvetaeva G. A. *Bospor i Rim*. [Bosporus and Rome] M., 1979. 138 p.

40. Chervonnaya S. M. *Iskusstvo tatarskogo Kryma*. [Art of the Tatars of Crimea]. Moscow, 1995. 320 p. (In Russian)

41. Cherkasov A. V. *Tvorcheskoye naslediyе E. V. Zhirova v izuchenii pervobytnoy istorii Kryma* [The creative heritage of E. V. Zhirova in the study of the primitive history of the Crimea]. *Aktual'nyye problemy gumanitarnykh i yestestvennykh nauk*. [Actual problems of the humanities and natural sciences.]. No. 10–1. M. 2016, pp. 165–168. (In Russian)

42. Shelov D. B. *Nekotoryye voprosy etnicheskoy istorii Priazov'ya II–III vv. n. e. po dannym onomastiki* [Some questions on the ethnic history of the Azov region of the II–III centuries. AD according to onomastics]. *Vestnik drevney istorii*. – Bulletin of ancient history. 1974. No. 1, pp. 86–89. (In Russian)

43. Schiltberger Johann. *Puteshestviye po Yevrope, Azii i Afrike s 1394 goda po 1427 god*. [Travel through Europe, Asia and Africa from 1394 to 1427]. Elm Publishing House. Baku. 1984. 87 [2] p. (In Russian)

44. Schultz P. N. *O nekotorykh voprosakh istorii tavrov (terminologiya, khronologiya, vzaimootnosheniya s antichnymi gorodami)* [On some issues of the history of the Taurus (terminology, chronology, relationships with ancient cities)]. *Problemy istorii Severnogo Prichernomor'ya v antichnuyu epokhu*. [Problems of the history of the Northern Black Sea region in the ancient era.]. M., 1959, pp. 235–272. (In Russian)

45. Shcherbakov N. A., Shcherbakova V. S. «Skify» iz Proshlogo Rossii [“Scythians” from the Past of Russia]. *Kul'turno-bytovyye ocherki po mirovoy istorii pod red. Sidorova A. A. i Nikol'skogo V. K.* [Cultural and everyday essays on world history, ed. Sidorova A. A. and Nikolsky V. K.]. No 2-3, publishing house “Practical knowledge”, Moscow, 1918. 78 p. (In Russian)

46. Evliya Chelebi. *Kniga puteshestviya. Krym i sopredel'nyye oblasti (Iz vlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII veka)*. [Travel book. Crimea and adjacent regions (Extracts from the works of a Turkish traveler of the 17th century).]. Ed. 2nd, revised and supplemented. Simferopol: publishing house "DOLYA", 2008. 272 p. (In Russian)
47. Yakobson A. L. *Rannesrednevekovyye poseleniya Vostochnogo Kryma* [Early medieval settlements of the Eastern Crimea]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. 1958*. [Materials and research on archeology of the USSR] 1958. No. 85, pp. 459–501. (In Russian)
48. Maja Krzewińska, Gülşah Merve Kılınc, Anna Juras, Dilek Koptekin, Maciej Chyleński. Ancient genomes suggest the eastern Pontic-Caspian steppe as the source of western Iron Age nomads. *Science Advances*. 2018-10-01. Vol. 4, iss. 10.
49. Öztürk Yücel. Osmanlı hakimiyetinde Kefe 1475–1600. TC Kültür Bakanlığı. Osmanlı Eserleri. 2000. 570 s. (In Turkish)
50. Roztofzef A. I. *The Sarmatae and Pathians*. Cambridge. 1936. 600 p.
51. Türkiye’de Halk Ağızlarından Derleme Sözlüğü (1960 yılından önce) Türk Dili Kurumu Yayınları. Ankara. 2009. 1452 s. (In Turkish)
52. Vasiliev A. A., *The Goth in The Crimea*. Cambridge, Massachusetts, 1936. 292 p.
53. Williams Brian Glyn. The Ethnogenesis of the Crimean Tatars. An Historical Reinterpretation. *Journal of the Royal Asiatic Society. Third Series*, Vol. 11, No. 3 (Nov., 2001), pp. 329–348.

About the author: Zaatov Ismet Abylatifovich – Doctor of Philosophy in Art Criticism, Cand. Sci. (Art Criticism), Leading Researcher of the Crimean Scientific Center of Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (420111, Kazan, Baturin Str., 7A, Russian Federation), Senior Researcher Fellow, Research Institute of the Crimean Tatar Philology and Culture of Crimean Ethnic Groups, “Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University” (295015, Simferopol, Uchebniy Lane, 8, Russian Federation); zaatov@gmail.com